

Словами твиттеру не поможешь

Автор Алексей Митрофанов, Московские новости

Чеховская «Степь» в сравнении с твит-литературой — бессмысленный бред обкуренного графомана

Я уверен, что смерть любого из ныне существующих писателей не вызовет того общественного резонанса, который вызвала кончина Пушкина, Толстого, Чехова. А вот смерть Стива Джобса была в этом отношении сопоставима. Но литература в отличие от отдельных писателей не умирает мгновенно. Можно сказать, она не умирает вообще. Просто мутирует, во что-то перетекает, во что-то еще будет перетекать. Последнее особенно интересно. Какова она, литература будущего?

Мне представляется, она станет следствием соединения двух очевидных тенденций.

Первая тенденция — сокращение размера текста и пренебрежение его художественными качествами. Еще совсем недавно люди отказывались от чтения книг, поскольку засасывала блогосфера. В прекраснейшем «живом журнале» можно, словно из детских кубиков, составить себе бесконечную книгу-газету, максимально соответствующую личным вкусам и потребностям. Интересуешься ты цветами, рыбками, футболом, детскими стихами, фотографиями мышек или безалкогольными коктейлями — пожалуйста, в твоей френдленте именно они, и ничего лишнего. Ни деревьев, ни птичек, ни бобслея, ни всего того, что предлагали бы обычные издания, в том числе и интернетовские. Есть и литература, разумеется. Но коротенько-коротенько. Перед лицом такой френдленты меркнут самые прекрасные романы и рассказы. Зачем погружаться в чужие миры, ежели можно слепить собственный, притом активно в нем участвовать: самому писать и комментировать чужие записи.

Проходит всего несколько лет, и «живой журнал» становится чересчур сложным. Его заменяет формат твиттера — любой текст должен уместиться в 140 букв. Да, это накладывает ощутимые ограничения. Тут не то что про небо Аустерлица не размечаешься, даже «чуден Днепр при тихой погоде» не влезет. А впрочем, оно и не надо. Не в пример более чудными представляются современному читателю похождения собственных приятелей с возможностью в этом же сервисе (а литература по большому счету всегда была именно сервисом) договориться о планах на вечер и планах на жизнь вообще. Без редактуры, маленькими буквами, без запятых, без образов, полутонов, без слюней и соплей — контент четок и ясен. Чтение конструктивно, насыщено жизнью, и чеховская «Степь» в сравнении с твит-литературой — бессмысленный бред обкуреного графомана. Твиттер куда динамичнее, а образность нам ни к чему.

Впрочем, 140 знаков — похоже, предел, во всяком случае на нынешнем уровне литературно-эстетических потребностей.

Параллельно существует вторая тенденция — уход от буквы в звук. Еще совсем недавно «говорящими книгами» пользовались исключительно слепые. Сегодня аудиокниги завоевывают рынок. Книги слушают не только за рулем — просто дома, лежа на диване. Чтобы глаза не напрягать, да и вообще не напрягаться. Конечно, при таком средстве доставки текста нет возможности задуматься над очередным абзацем, перелистать пару страниц назад, какой-то кусок пробежать, как говорится (говорилось?) по диагонали, но ведь в этом и потребности больше нет. Что там книги, даже холодильники и телефоны стали говорящими. При этом требования к написанному тексту предъявляются все более лояльные — в орфографии путаются вполне себе солидные бумажные писатели. Писать грамотно больше не обязательно, да и вообще само понятие — писать — становится анахронизмом. Апофеоз — электронная подпись, своего рода цифровой крестик.

И дело, собственно, за малым. Войдет в обиход небольшое устройство с каким-нибудь незамысловатым названием — ну, к примеру, Ай-ай. Плоская черная коробочка, снабженная всего лишь одной кнопкой, заменит человеку все литературное пространство.

Принцип действия прост. Этакий радиотвиттер, в котором аудиосообщения выстраиваются в очередь. Их наговаривают сами пользователи, что создает эффект живого общения. В определенных местах сообщения отбиваются настраиваемыми по желанию пользователя звуковыми сигналами.

Бынь! Колян. Дзинь! Я сходил в магазин, хо-хо.

Бынь! Южная шалава. Дзинь! У меня завтра экзамен по петтингу.

Бынь! Кутаб. Дзинь! Девчонки, я горю.

Бынь! Пурген. Дзинь! Я знаю, Бог есть.

Счетчик Ай-ая показывает, сколько еще осталось непослушанных сообщений. При желании можно нажать на кнопку этого устройства и прослушать комментарии, а также оставить свои.

Бынь! Колян. Дзинь! Я сходил в магазин, хо-хо.

Уууй! Матроска. Дзинь! Заруливай к нам.

Уууй! Пурген. Дзинь! Я знаю, Бог есть.

Уууй! Пингвин. Дзинь! Хо-хо.

Именно такой мне представляется и литература будущего. Не то чтоб обозримого, но и не слишком отдаленного. В лучшем случае это произойдет к 220-летию со дня рождения Пушкина, а в худшем — к 180-летию со дня его смерти. При этом пропагандисты новейшей словесности будут безапелляционно утверждать, что если бы во времена Александра Сергеевича существовал Ай-ай, он только с помощью Ай-ая и творил бы.

Тут, конечно, напрашиваются рассуждения о значении письменности в жизни общества, о том, что именно благодаря этой письменности стала возможной цивилизация, и прочая, прочая, прочая. И что без письменности соответственно цивилизация погибнет.

Но ведь вовсе не факт, что погибнет. Мутирует — да. Станет другой — разумеется. Но не опустится до каменных топоров — не дадут цифровые средства коммуникации. В конце концов немало примеров того, когда символ прогресса спустя некоторое время становился символом отсталости. Та же конка, к примеру, а затем и трамвай.

Да, людям читающим, тем паче пишущим, такие перемены не понравятся категорически. Но это уже будут наши мелкие корпоративные проблемы.